

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Мне было сказано: обеспечить в номер «солидного автора». В кочетовской «Литгазете» 1958 года это означало: секретаря правления Союза писателей. Я позвонил не без страха: хоть и российский союз (кажется, это был еще оргкомитет), а все-таки — секретарь! Далее — неожиданности. Нет, не то, что согласился написать, а то, как предложил текст забрать! Я ожидал: «пришли-те курьера!», ну, на худой конец: «приезжайте...» (в Союз писателей, домой). Вместо этого:

— Встретимся на автобусной остановке... — и уточнение, на какой именно и

в котором часу — с некруглыми минутами.

Я подозревал, что меня надуют, разыграют, подведут, что обо мне забудут.

Поехал. Отыскал заранее ту остановку. Встал. Не обознаться бы — ведь незнакомы.

Он появился секунда в секунду. Что-то сверкающее, смеющееся, быстрое, тощее, мгновенное, контактное. Конвертик со статьей — мне в руку. Привет!

И ведь запомнил меня. Ну, я его запомнил — это понятно: известный писатель, секретарь союза... А он меня — как?

Полтора десятка лет спустя позвал меня на работу в журнал «Дружба народов» — словно вчера расстались.

Пошел я к нему в журнал (а опыт мой прежний был однотипен — и «под Грибачевым», и «под Кочетовым», и «под Кожевниковым»), так, исходя из того опыта, и нырнул я по обыкновению в глубокую «внутреннюю эмиграцию». В «круговую оборону». В личный бункер.

Год оттаивал — не верил, что с Баруздиным все не так. А как? Главный редактор решает главные проблемы. В твоё дело — не лезет: не учит тебя править, не подменяет, не мелочится. Даже не контролирует. И никогда не «распекает». Баруздинский стиль: радость по поводу твоих удач и игнорирование твоих оп-

лошностей. И еще: твердое ощущение, что он тебя не «подставит». И твоё ответное решение: ни при каких обстоятельствах не «подставлять» и его. Все это — без слов, так, как будто — САМО СОБОЙ.

Как мгновенье — восемнадцать лет пролетели.

А всего стоял он во главе журнала — двадцать пять, превратив его из «братской могилы» (да простят меня читатели, они знают, что так и было) в один из самых читаемых наших ежемесячников.

Я многое мог бы рассказать о Баруздине. О его способности быть человеком в малочеловеческих ситуациях. О его гибкости, такте, умении видеть людей, умении находить компромиссы, умении щадить самолюбие других. О том, как он брал себя в кулак, пряча от нас свои несчастья, свою боль, свои горькие разочарования в людях.

Горьким вышел конец его жизни. Горько было мне идти с кладбища. Стоял, ждал автобуса. Ветер пронизывал. Свистел в выбитых стенках остановки. Выглянуло вдруг солнце. И что-то сделалось со мной. Словно ударило: непоправимо!

Прощайте, Сергей Алексеевич. Прости-те.

Л. АННИНСКИЙ

Лит. Россия - 1991. - 15 марта (№11). - с. 20